

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 291.16

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-265-271

ПРОБЛЕМА «ИНОРОДЧЕСКОГО» ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПОЛИТИКИ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В РОССИИ В XVIII-XIX ВЕКАХ

THE PROBLEM OF "ALIEN" EDUCATION AS ONE OF THE ASPECTS OF THE POLICY OF TOLERATION IN RUSSIA IN THE 18TH AND 19TH CENTURIES

Н.М. Маркова

N.M. Markova

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000, Владимир, ул. Горького, 87

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87 Gorky Street, Vladimir, 600000, Russia

E-mail: natmarkova@list.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросу формирования так называемого «иностранного образования» в XVIII-XIX веках. Продолжая политику веротерпимости, государственная власть в России ввела систему «иностранного» образования, которая создавалась с целью проведения политики так называемого «обрусения» как «православизации» представителей иных народностей и конфессий. «Иностранное образование» вводилось как для некрещенных, так и для новокрещенных. «Иностранцы» разделялись на две категории: «иностранцы-христиане» и «татары-магометане». При этом разрешался только переход «иностранцев» в православие, а переход из православия в другие вероисповедания, как и религиозная пропаганда со стороны неправославных конфессий («свержение из православия») были запрещены до 1905 года.

Abstract

The article is devoted to the formation of the so-called "alien education" in the XVIII-XIX centuries. Continuing the policy of tolerance, the state power in Russia introduces a system of "alien" education, which was created with the aim of carrying out the so-called policy "russification" as "orthodoxy" of representatives of other nationalities and denominations. Throughout this whole period of time, the Russian Orthodox Church was recognized as the dominant and predominant church in the country. "Foreign education" was introduced for both unbaptized and newly christened. The "aliens" were divided into two categories: "non-Russians-Christians" and "Tatars-Mohammedans". Only "aliens" were allowed to convert to Orthodoxy, and the transition from Orthodoxy to another religion, as well as religious propaganda from non-Orthodox confessions ("seduction from Orthodoxy") were banned until 1905.

Ключевые слова: иностранцы, иностранное образование, веротерпимость, православие, христианство, татары, магометане.

Key words: aliens, alien education, religious tolerance, Orthodoxy, Christianity, Tatars, Mohammedans.

Вестфальский мир (1648) и XVIII век положили начало европейской политики веротерпимости, которую в России начал Петр I и продолжила Екатерина II, утверждавшая в «Наказе», что «в столь великом государстве, распространяющим свои владения над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности граждан был порок – запрещение их различных вер», поскольку «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ея величество из тех же правил, сходяствуя Его своей воле, во всем поступать изволит, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласие царствовали» [2, 84]. Тем не менее, до 1917 года в России на законодательном уровне признавалась единой, истиной, первенствующей и главенствующей только «вера Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [8, 9]. В таком политическом контексте некоторые исторические и богословские источники отмечают, что основными началами, которыми руководствовалось церковное и светское правительство на рубеже XVIII–XIX веков было «охранение господствующей Православной веры и полное невмешательство во внутреннюю религиозную жизнь иноверцев». При этом отдельными авторами утверждалось, что Русская Православная Церковь с самого начала своего существования, «храня чистоту и неприкосновенность своей веры», никогда не прибегала к насильственным мерам по отношению к представителям неправославных исповеданий [2, 10].

В действительности, после Петра, 22 февраля 1735 года в царствование Анны Иоанновны выходит высочайший манифест, запрещавший всякую иноверческую пропаганду; религиозная пропаганда была возможна лишь со стороны Православной Церкви: «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере» [8, 5]. Манифестом не допускалось свободное отправление службы Божией другими христианскими исповеданиями, а именно «лютеранского, реформаторского и римского» [6, 450], дарованное им еще Петром I, поскольку представители именно этих исповеданий большей частью находились на службе у русского царя. Кроме того, следовало разъяснение, что воля императорской власти всегда была и есть, «чтоб тех исповеданий духовные особы жили во всякой кротости, и особливо не дерзали из Наших подданных, какого бы звания они ни были, в свою веру призывать, толь меньше же еще превращать как-то во многих других государствах в предосуждение настоящего того государства закона весьма не позволяется» [6, 450-451]. Поскольку правом миссионерской деятельности обладала только Русская Православная Церковь, в 1737 г. в инструкции киевскому губернатору внушалось: «...всяких религиозных совратителей в ереси и расколы арестовывать и отправлять в Синод за караулом; иностранных пропагандистов брать и разыскивать на местах, донося Сенату и ожидая его распоряжения» [6, 451].

Одним из способов прекращения религиозной пропаганды со стороны иных вероисповеданий было «оправосливание» их приверженцев: «самой же верной мерой к обрушению инородцев и утверждению в вере новокрещенных должно было служить обучение в школах молодого поколения» [6, 442]. Заботясь не столько об образованности неправославного населения Российской империи, а преследуя, прежде всего, строго миссионерские цели в 1735 г. и 1740 г. выходят указы об учреждении школ для инородческого образования. Данное образование предполагалось как для некрещенных инородцев, так и для новокрещенных, когда «первые через школу приготавливались к восприятию христианства, при этом сознательно, а не “уповая“ на льготы. Для них школа исполняла роль миссионера. Вторые в школе утверждались в христианском учении, усваивали его внутреннюю силу. Для них она была воспитательным институтом, имеющим целью глубже и сознательнее внедрить в новопросвещенных семена христианства. Вышедшие из школы ученики являлись в своей родной среде пионерами христианской веры, распространителями ее между соплеменниками» [6, 434-435]. Побуждающим мотивом для создания инородче-

ских школ было предложение Синода и «доношение» казанского губернатора и архиепископа Илариона. В итоге в 1735 г. Сенат постановил учредить четыре инородческие школы в Казанской губернии. В след за этим выходит «Указ Ея Императорского Величества Об отправлении Архимандрита с некоторым числом Священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещеных христианскому закону и о преимуществах новообращенным дарованных от 11 сентября 1740 г.». Речь шла о Казанской, Астраханской, Сибирской, Нижегородской и Воронежской губерниях, которые были населены иноверцами, «магометанскаго закона и идолопоклонниками, також и никакого закона не имущих» [7].

Опасаясь за надежность веры православной среди новокрещенного иноверческого населения в данных губерниях, которое проживало вместе с некрещенным, «и видя от них соблазны, паки к ним пристають, и в прежнем своем заблуждении пребывают» [7], для умножения христианского закона и большего утверждения в вере новокрещенных иноверцев, были приняты следующие постановления: «Для обучения иноверческих детей учредить четыре школы: первую в Казани в Федоровском монастыре; вторую в Казанском уезде по Зюрейской дороге в Дворцовом селе Елабуге; третью в Свяжском уезде в городе Цивильске; четвертую в Казанском уезде в городе Царевококшайске, и обучать оных новокрещенских детей Русской грамоте по алфавиту и слогах букваря с десятословием, часослова, псалтири и катихизиса и скорописному; однакож притом за ними смотреть, чтоб они и своих природных языков не позабыли; а на каком основании оныя школы учредить и сколько в которой учеников содержать и почему им из вышепомянутой положенной суммы жалования платить и о прочем о всем в Синоде учинить штат и для апробации подать в Кабинет наш немедленно...» [7, 255]. Как видно по преобладанию религиозного обучения, ученикам данных школ предназначалось быть миссионерами среди своих соплеменников, поэтому особенно поощрялось принятие ими священного сана, и в этом случае с них не брали ставленных пошлин для посвящения: «Ежели к имеющимся в новокрещенских деревнях церквам из иноверческих новокрещенных детей, которые Российской грамоте и катихизиса довольно и в твердость обучены и доброго являться жития, посвящаться будут во Священники и диаконы и в прочий церковный причет, с тех, за произведение и посвящение, никаких ставленнических денег и пошлин (дабы охотнее к наукам из новокрещенных малолетних детей приходили), не брать; також в которых у новокрещенных жилищах будут строиться вновь Святые церкви (а не в прежних местах), и тех церквей с Священнослужителей для исправления и домового их поселения данных денег не брать же, для того, чтоб в недоборе тех данных против прежних окладов ничего быть не имеет же, понеже оныя церкви построены будут вновь, а не в прежних местах, с которых издревле оныя доходы в окладе стояли» [7, 255].

В XIX веке вопрос иноверческого образования продолжал оставаться столь же острым. Большею частью эта проблема касалась «Казанского края» [5, 13], населенного на одну треть «инородцами финского и преимущественно татарского населения» [5, 13]. Большая часть татар относились к «вере магометанской», но также присутствовали и крещенные татары, которые «частично не имеют прочного христианского просвещения и бессознательно исполняют православно-церковные обряды, частию тайно, а иные явно и формально отпадают в магометанство» [5, 13]. Для того, чтобы предотвратить отпадения новокрещенных иноверцев от Православной Церкви и для более прочного сближения инородцев с коренным русским населением, Советом министра народного просвещения 2 февраля 1870 года была разработана система образования инородцев. Согласно новой системе образования все инородцы были разделены на две группы: «инородцы-христиане» и «татары-магометане» [1].

Начальные школы для инородцев-христиан должны были основываться на их религиозно-нравственном образовании и утверждении в вере православной, а также на ознакомлении с русским языком. Первоначальное обучение должно было вестись на родном языке. Поэтому учителя инородческих школ должны были быть из числа инородцев, хо-

рошо владеющих русским языком или же из числа русских, говорящих на «инородческом наречии». Далее для детей «инородцев», мало обрусевших и почти не знающих русского языка, образовывались особые школы, в которых первоначальное преподавание совершалось на их языке по учебным книгам «на том же наречии». В качестве учебных книг выступали буквари, необходимые молитвы, краткие истории из священной истории Ветхого и Нового завета и религиозно-нравственные книги. После того, как дети обучатся русскому разговорному языку, возможно было обучение русской грамоте (чтению и письму). При достаточном изучении русского языка начиналось преподавание закона Божия на общих основаниях. Заучивались главнейшие молитвы на русском и церковно-славянском языках, преподавался краткий катехизис. Во всех школах обязательно вводилось церковное пение.

В местностях, где присутствовало смешанное русское и «инородческое» население, учреждались общие для тех и других начальные училища, в которых все преподавание велось на русском языке учителем, владеющим как русским языком, так и местным «инородческим наречием» [1]. Для обруселых инородцев, живущих вместе с русским населением, учреждались начальные народные училища на общих для русских училищ основаниях. Ближайшее заведывание училищами двух первых категорий поручалось священнику — законоучителю школы, если он обладал знанием местного инородческого наречия. В случае, если местный священник не знал инородческого наречия, то заведывание училищем возлагалось на учителя, а преподавание Закона Божия могло быть поручено светскому лицу.

Что же касается образования татар-магометан, то данный народ представлялся как «племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере» [1]. По этой причине процесс обрусения представлялся возможным только через введение русского языка и образования, «с устранением всех таких мер, которые могли бы породить в этом, по природе подозрительном, племени опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от их веры» [1]. С единственной целью — распространение среди татар-магометан русского языка — предлагалось учредить сельские и городские училища. Учителями таких школ, до тех пор, пока среди татар не окажется достаточно лиц, владеющих русским языком, могли быть и русские, хорошо говорящие по-татарски. Для облегчения детям татар-магометан поступления в общие училища учреждались «приготовительные классы» при общих начальных народных училищах. Для облегчения детям татар-магометан и инородцев-нехристиан поступление в данные училища предлагалось освободить их (независимо от посещения уроков закона Божия) «в сельских и городских начальных училищах — от чтения по церковно-славянским книгам, в уездных училищах — от изучения церковно-славянского языка, а в гимназиях — от изучения церковно-славянского, греческого и немецкого языков, без ограничения притом прав и преимуществ для тех, которые, при таких изъятиях, окончили бы с успехом полный гимназический курс по прочим предметам» [1].

Несмотря на то, что официальные документы, богословские и теологические издания не предполагали притязаний на веру представителей неправославных конфессий, распространяя мнение, что «в России никого не заставляют насильно переменять веру, тем более никого не ссылают в ссылку за нежелание переменить веру. Все подданные Русского Царя, не только Христиане какого бы то ни было вероисповедания, но даже Магометане и язычники свободно исповедуют свою веру и совершают свои обряды» [3, 145], тем не менее, правительство не отказывалось от идеи христианизации неправославного населения, в том числе и татарского. С целью подготовки учителей, а также с целью сближения русских с инородцами, в Казани и Оренбурге были открыты татаро-мусульманские учительские школы, из которых должны были выходить образованные татары-мусульмане. Предполагалось, что распространение среди инородцев, особенно татар, еврейского образования, должно расшатать и разрушить их «несложные языческие веро-

вания и приобщив их к культуре, тем самым сблизит их с русскими и очистит путь христианской религии» [5, 16]. В тоже время такой способ обрусения вызвал критику со стороны Н.И. Ильминского, известного русского востоковеда, педагога-миссионера, посвятившего себя инородческому образованию в Казанском крае. В письмах к К.П. Победоносцеву Ильминский утверждал, что «свое татарство и магометанство образованные татары в глубине души свято чтут и в случае надобности крепко за него стоят... Фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже человек университетского образования... Татарская интеллигенция вместо обычного, неуклюжего и неблаговидного фанатизма начинает усваивать точку зрения национально-политическую под видом интеллигентного прогресса... Нужно помнить, что мы, русские, не умеем владеть теми орудиями, культурными и сливающимися народности, которыми так успешно действуют западные народы – у нас эти орудия обращаются нам же во вред» [5, 16-17].

Будучи уверенным, что среднее и высшее образование на языческой или мусульманской почве скорее затормозит, чем облегчит сближение «инородцев» с русскими, Н.И. Ильминский утверждал, что просвещение «инородцев» должно быть основано на почве христианского перевоспитания их понятий и нравов. Сближение «инородцев» с русскими, по его мнению, можно достичь только через христианство, в котором «нет различия между иудеем и язычником, рабом и свободным, а все одно во Христе Иисусе». «Христианство не посягает на народные особенности, не сглаживает их формальным или внешним уровнем, не обезличивает человека или народа, но соединяет народы и племена внутренним, искренним и прочным союзом любви, делая их сынами Божиими и братьями во Христе. Христианство есть религия в высшем и благороднейшем смысле общечеловеческая, облагораживающая и освящающая человеческую природу. Эта религия, усвоенная инородцами, тем более может расположить их к русским, что последние издавна исповедуют христианскую веру, в которой инородцы – новички. Как живая, созидательная и сплавляющая сила, христианство стоит не в холодном, рассудочном изучении догматов, ни в формальном соблюдении обрядов, но преимущественно в убежденном и искреннем веровании, в сердечном усвоении христианского духа, в проникновении нравственностью евангелия, основанной на любви. В таком смысле христианство твердо воспринимается только в детстве через воспитание» [5, 18].

Рассматривая учеников Казанской центральной крещено-татарской школы как проводников христианского просвещения в массу крещенных татар, преподавание в ней велось на татарском языке, «чтобы воспринимаемые учениками понятия религиозные, нравственные и научные сделались ясны и определены для их ума и имели благотворное влияние на их сердце и нравственное чувство» [5, 21]. Постепенное усвоение и совершенствование русского языка должно было привести инородцев к полному сближению с русским духом и с Россией, что, по мнению графа Д.А. Толстого «составляет задачу величайшей политической важности» [5, 21].

Кроме того, предполагалось, что для более успешного дела просвещения «инородцев» необходимо было, чтобы учителя и священники происходили из местного «инородческого» населения. Для того, чтобы передать представителям иных народов и верований христианское догматическое и нравственное учение не отвлеченно, не как «мертвую букву», необходимо приноровится к их понятиям и нравственным убеждениям, к направлению их мышления. «...Поэтому то русский человек и не может вполне приноровиться к инородцам, хотя бы говорил на их родном языке. Его речь будет убедительна по-русски, а в инородцах она своей русской постановкой излагаемых мыслей всегда будет оставлять недоумение, темноту, отсюда – неубедительность, бездейственность. Но что недоступно русскому, то непосредственно дается инородцу природой. Инородец, движимый только врожденным инстинктом, прямо и непосредственно может действовать на ум и сердце

единоплеменных ему инородцев – и с теплым, умиленным убеждением будут приняты ими его христианские беседы и наставления» [5, 29-30].

Однако одних инородческих школ оказалось недостаточно для просвещения представителей иных народностей и конфессий – образовалась пропасть между молодым поколением, обучающимся в подобных школах и взрослым поколением. Решение данной проблемы виделось через приобщение всех поколений и всех полов «инородцев» в приходской храм для православного богослужения, которое рассматривалось как «богатая сокровищница христианского догматического, исторического и нравственного учения, изложенного в лирическом направлении» [5, 25]. С целью привлечения представителей иных конфессий в православный храм в 1883 году был издан Синодальный указ о совершении богослужения на «инородческих языках».

Помимо этого, стало уделяться внимание подготовке слушателей духовных семинарий и академий в вопросах инаковерия, оговаривалось, что «учение православной веры в нашем отечестве издревле преподавалось положительно, почти отнюдь не касалось иноверческих исповеданий» [3, 145]. Для преодоления проблем иноверческой пропаганды и с целью миссионерской деятельности среди представителей неправославных исповеданий рекомендовалось приобретать положительные сведения о предметах истинно христианской веры, уделяя внимание церковным чтениям и песнопениям, пастырским поучениям, – и таким образом возрастая и утверждаясь духом в вере для того, чтобы иметь возможность «к отрицанию умом и сердцем своим мнений, чуждых православному вероучению» [3, 1]. Православным жителям России рекомендовалось быть «любвеобщительными» и приветливыми в отношении иноверцев, однако, стоило избегать вступления с ними в полемические разговоры, касающиеся вопросов веры, аргументируя это тем, что истинная вера не нуждается в доказательствах, на деле же опасаясь, чтобы молодое поколение семинаристов и студентов духовных академий не усомнились в истинности православного учения, и тем более не приняли бы сторону иноверческую.

Авторы, чьи работы относятся к этому периоду времени, отмечают: «кротость, мягкость в обращении, снисходительное терпение заблудших, благодушное ожидание обращения на путь истины уклонившихся от нее, составляют столь отличительные свойства пастырей нашей отечественной Церкви, что в храмах ее почти никогда не слышно слов, направленных против разномыслящего относительно учения веры» [3, 2].

Помимо изучения основ православного вероучения, как утверждалось, в духовных академиях и семинариях излагались «понятия о мнениях, противоположных православному вероучению – наставники ограничиваются историческим изложением веры, указанием времени, в которое появилось какое-либо новое учение, противное первобытному Христианскому вероучению, приведением в защиту истины непререкаемых свидетельств слова Божия, Отцов Церкви и самих разномыслящих, иногда невольно сознающих в правоте вероучения Восточной Церкви» [3, 3]. В таком поликонфессиональном государстве, как Россия оградить православное население от взаимодействия с инокамыслием было невозможно, поэтому утверждалось, что «самая благонадежная защита православного вероучения состоит в обуздании своих собственных страстей и в образе жизни, своеобразном с волею Божию, начертанною в законе Господнем» [3, 3-4].

В Проповеднической энциклопедии, изданной в самом начале XX века, утверждается, что в этот период времени происходит отпадение от религии, «у многих едва можно найти какую-либо веру. Они отпали даже от той, какую некогда имели в своем детстве» [4, 152]. Именно в детстве, с точки зрения богословов, человек наиболее всего способен к восприятию религиозных верований и представлений, именно в детстве у человека формируется религиозное чувство. Поэтому именно школе принадлежала важнейшая миссия религиозного просвещения подрастающего поколения. Наиболее остро эта проблема ка-

салась «инородческого» образования, поскольку через школьное обучение новое поколение «инородцев» получало не только необходимые знания о господствующей в Российском государстве религии – православии, а также способствовало «обрусению» «инородцев», сближению их с русским народом, культурой, а главное религией. Получая через инородцев новых граждан своего государства, российское правительство получало таким образом и новых членов Православной церкви.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 15-23-06002

Список литературы

References

1. Доклад министра народного просвещения Д. А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.)//<http://www.inpo-rus.ru/14/>
Report of the Minister of Public Education DA Tolstoy "On measures with the formation of natives living in Russia" (1870) // <http://www.inpo-rus.ru/14/>
2. Красножен Н. Иноверцы на Руси. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1903
Krasnozhen N. Gentiles in Russia. - Yuryev: Printing house of K. Mattisen, 1903
3. Об отношениях римской церкви к другим христианским церквам и ко всему человеческому роду. Записки Авдия Востокова. Издание священника магистра Василия Григулевича. – СПб.: типография Эдуарда Праца, 1857
About the relationship of the Roman church to other Christian churches and to the whole human family. Notes of Obadiah Vostokov. The edition of the priest of the master Vasily Grigulevich. - St. Petersburg: Edward Pratz printing house, 1857
4. Проповедническая энциклопедия, 1903
The preaching encyclopedia, 1903
5. Рождествен А. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. – Казань: Типография Императорского Университета, 1900
Rozhdestin A. Nikolai Ivanovich Ilminsky and his system of alien education in the Kazan region. - Kazan: Printing house of the Imperial University, 1900
6. Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. – Вильна: Типография «Русский Почин», 1905
Titlinov B.V. The government of the Empress Anna Ioannovna in its relations to the affairs of the Orthodox Church. - Vilna: Printing house "Russian Reach", 1905
7. Указ Ея Императорского Величества Об отправлении Архимандрита с некоторым числом Священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещеных христианскому закону и о преимуществах новообращенным дарованных от 11 сентября 1740 г.//Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Том XI (1740-1743). СПб., в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830
Decree of Her Imperial Majesty On the departure of the Archimandrite with a number of clergymen in different provinces to teach the newly baptized Christian law and the advantages of converts granted to September 11, 1740// Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Volume XI (1740-1743). St. Petersburg, in the Printing Office of the II Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1830
8. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1896
Statutes of spiritual affairs of foreign confessions// Code of Laws of the Russian Empire. T. XI. Part 1. St. Petersburg, 1896